

Г. Г. ПАЙЧАДЗЕ. *Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в.* Тбилиси, 1970, 279 стр., цена 1 р. 60 коп.

Книга проф. Георгия Георгиевича Пайчадзе посвящена одному из важнейших и мало разработанных периодов истории русско-грузинских отношений, когда развивались политические связи грузинских царств с русским государством, развертывалось освободительное движение против иноземного ига и все ярче выражалась его русская ориентация, приведшая к образованию военно-политического союза. Монография раскрывает волнующие и драматические страницы летописи героической вооруженной борьбы народов Закавказья против персидских и турецких поработителей. Автор свою задачу не ограничивает рассмотрением вышеуказанных актуальных проблем и раскрывает почти нетронутую учеными историю 30—50-х годов русско-грузинских взаимоотношений, вводя в научный оборот огромное количество архивных материалов ряда фондов ЦГАДА, АВПР, ЦГВИА.

В кратком введении книги дана характеристика литературы по данной проблеме. Автор отмечает, что представители русской дворянской и буржуазной историографии «объясняли завоевательную политику царизма случайными обстоятельствами и идеальными побуждениями. Ссылаясь на исторические традиции и общность религиозных верований, говорили о «предназначенной свыше освободительной миссии» русских царей в отношении православных народов и т. д. А грузинская буржуазно-националистическая историография давала отрицательную оценку русско-грузинским историческим связям и к присоединению Грузии к России» (стр. 3—4).

Подвергая критике современных анти-советских фальсификаторов истории на Западе (О. Лемберг, Г. Римма, Д. Лэнг, В. Аллен и др.), Г. Пайчадзе пишет, что если они «иногда и приходят к довольно объективной характеристике агрессивной политики царской России, то в оценке политики своих государств остаются на неправильных позициях, идеализируют ее» (стр. 8).

Автор книги правильно представляет роль советской историографии в принципиальном толковании решений вопросов внешней политики России в Закавказье и

на Ближнем и Среднем Востоке. В трудах русских, грузинских, азербайджанских и армянских историков политика русского царизма оценивается как захватническая и колониальная, но вместе с тем они справедливо подчеркивают «прогрессивное значение выступления России против турецкой и иранской агрессии, что непосредственно отвечало коренным интересам народов Закавказья. Именно на основе общности этих интересов и складывались политические отношения между Россией и Грузией» (стр. 9).

В первой главе книги автор характеризует основные события исторических связей Грузии с Россией в X—XVIII вв. и дает их обоснованную периодизацию, в основе которой «лежит не просто хронологический принцип, а характер самих отношений в то или иное время.

Каждый период,— продолжает Пайчадзе,— нами выделен в силу своих основных особенностей и отличительных черт, которые были обусловлены конкретными задачами, стоявшими перед обоими государствами, и методами, применяемыми для их разрешения» (стр. 33).

Хронологические рамки одиннадцати периодов, их характеристика и обоснование, как и критика ошибок других попыток периодизации русско-грузинских тысячелетних связей не вызывает принципиальных возражений. Но надо отметить одну неточность или неопределенность формулировки: Пайчадзе пишет, что девятый период «охватывает первую половину XVIII в. Начинается он с 20-х годов (?)», когда во время подготовки и проведения Петром I похода русских войск на побережье Каспийского моря был заключен военно-политический союз между Россией и Грузией, сделавшей вторую решительную попытку освободиться от ига иноземных захватчиков с помощью России» (стр. 32). Очевидно, правильнее будет эти первые два десятилетия рассматривать как период непосредственной подготовки военно-политического союза, чем считать концом предшествующего восьмого периода, включающего вторую половину XVII в., когда образовалась грузинская колония в Москве, укрепились, расширились русско-грузинские политиче-

ские связи, подготовившие почву для общенародного вооруженного выступления в 20-х годах XVIII в.

Г. Пайчадзе в этой главе обстоятельно показывает развитие событий X—XVIII вв., процесс усиления политических связей грузинских княжеств с Россией, особенно в XVI—XVII вв., когда делаются первые попытки создания военно-политического союза Грузии с Россией. Но они не увенчались успехом, ибо феодальная раздробленность и непрекращавшиеся усобицы, разжигаемые Ираном и Турцией, подрывали боевую мощь и единство народа. «Стремясь к покорению Закавказья,— пишет автор,— агрессоры всячески старались не допустить сближения Грузии с Россией» (стр. 23).

Дальновидные и прогрессивные политические деятели Грузии вели борьбу и с непокорными тавадами, и с внешними врагами, лишь в лице России находя реального союзника, ибо «Россия была кровно заинтересована в борьбе с Турцией и Крымским ханством» (стр. 20). В монографии подчеркивается роль Теймураза I, Арчила Вахтанговича и других деятелей, способствовавших дальнейшему укреплению русско-грузинского содружества, усилению освободительного движения и его русской ориентации.

Во второй главе книги дана история подготовки и формирования русско-грузинского военно-политического союза в 20-х годах XVIII в., явившегося «непосредственным результатом активизации политики России на Востоке, которая, в свою очередь, была обусловлена ростом могущества страны в петровскую эпоху» (стр. 35), с одной стороны, и крупными восстаниями в Иране и распадом сефевидского государства—с другой (стр. 36). Русскому двору стало ясно, что Турция хочет воспользоваться кризисом шахского Ирана, поддержать повстанцев («ребелов») и прибрать к своим рукам кавказские владения Сефевидов. Автор приводит сообщение русского резидента в Константинополе И. Неплюева о том, «что турки, видя слабость Ирана, намеревались принять под свое покровительство восставших против Ирана дагестанцев» (стр. 37).

Порта толкала вассалов иранского шаха к восстанию, стремясь в дальнейшем покорить Кавказ, что, конечно, угрожало

жизненным интересам как России, так и народов всего Кавказа.

Г. Пайчадзе справедливо считает, что «основная цель похода (Петра.— В. В.) и политические мотивы, которыми русская дипломатия старалась объяснить его Ирану, с предельной ясностью были высказаны Петром I в инструкции, данной консулу в Иране С. Абрамову перед началом похода 25 июня 1722 г.» (стр. 38), и что «ставя себе целью присоединение прикаспийских провинций, Петр I в то же время старался не допустить захвата Турцией всего Ирана, а также Восточного Закавказья. Учитывая значение Грузии и Армении в борьбе за осуществление намеченных задач, Петр I выражал готовность принять их под свое покровительство» (стр. 39—40).

Кратко, но ярко излагая историю начального периода деятельности талантливого и дальновидного политического деятеля Вахтанга VI, автор показывает, что «в двадцатых годах XVIII в. между Петром I и Вахтангом VI было заключено соглашение о совместных боевых действиях. Однако юридически оно нигде не было оформлено, так как Петр I избегал выдачи официального документа, видимо, опасаясь, как бы шах не узнал о нем и не принял каких-либо мер, которые могли бы воспрепятствовать Петру I в намеченном завоевании» (стр. 46). То, что Петр I не только не сомневался в готовности грузин и армян вооруженно выступить за свое освобождение (идя навстречу русским войскам даже до их похода), подтверждается его письмом к Волынскому, в котором Петр I требовал не только обнадеживать о помощи, но и предупредить, чтобы до прибытия русских войск грузины и армяне «ничего не зачинали (по обыкновенной дерзости тех народов, а тогда поступали бы к совету» (стр. 47).

Как пишет Г. Пайчадзе, «Вахтанг VI хотя и был сторонником решительных действий, однако лезть на рожон не собирался и до прибытия русских войск в Закавказье не намеревался начинать своего выступления» (стр. 47). Все это означало, что действительно был образован военно-политический союз, готовый к организованным и совместным действиям, причем, «приняв предложения Петра I о совместных действиях и готовясь к выступлению,

Вахтанг VI учитывал и стремления армянского народа к освобождению от иранского ига. Он ясно сознавал необходимость объединения сил армян с грузинами и поэтому, приступив к переговорам с армянскими меликами и духовенством, энергично принялся за организацию армянского войска» (стр. 47—48). Далее Пайчадзе продолжает: «Имея союзниками Грузию и Армению, Петр I удачно выбрал время для начала похода. В конце июля 1722 г. ...он начал военные действия» (стр. 48). Однако «Петр I оказался вынужденным возвратиться в Астрахань, так как продолжение похода было опасно ввиду недостатка провианта в русской армии и понесенных ею из-за болезней людских потерь, а также ввиду большой убыли лошадей... тем более, что к этому времени сбострились отношения с Турцией и следовало ожидать военного столкновения с ней» (стр. 49).

В отличие от других авторов, Г. Пайчадзе старается всесторонне проанализировать конкретные условия Каспийского похода, показать причины прекращения продвижения русских войск в глубь Закавказья и возвращения Петра I из Дербента в Астрахань, раскрыть внутреннее и международное положение как России, так и ближневосточных стран. Вместе с тем он обрисовывает тяжелое положение, в котором оказались грузинские и армянские войска Вахтанга вследствие их изоляции. В книге приводятся выдержки из петровского «Объявления о действиях сей кампании», которое было дано И. Толстому, отправленному к Вахтангу VI для того, чтобы объяснить причины возвращения Петра в Астрахань, заверить грузин и армян, «что его величество никогда их не оставит» и что в 1723 г. русские возьмут Шемаху. Вахтанга же лично Толстой должен был уверить, что ему будет дана «власть над всеми тамошними христианами» (стр. 51). Петр I предупреждал, что турки намереваются взять Ереван не силой оружия, а «некими факциями» и что Вахтанг должен «всякими образы тот город в турецкие руки не допустить», пока подоспеют русские, чтобы овладеть Шемахой (стр. 52).

Таким образом, автор рецензируемой книги фактическими данными показывает общность судеб грузинского и армянского народов, общность их освободительных

устремлений, русскую ориентацию их движения, а также единство и цельность закавказской политики Петра Великого, его неотступность от своих намерений.

В заключение II главы сказано: «Петру I не удалось осуществить посылку русских войск в Картли. Благодаря своему выгодному географическому положению Турция смогла опередить Петра I». Но «Петр I не мог примириться с господством Турции в Восточном Закавказье, понимая, что занятие узкой береговой полосы не обеспечивало прочного господства России на Каспийском море и что для достижения этой цели необходимо было принять под свое покровительство Грузию и Армению» (стр. 58). Этому мешали не только Иран и Турция, но и западные страны, в частности Англия. «Единственную помощь... Россия получала от грузинского, армянского и азербайджанского народов, которые с момента вторжения турецких захватчиков поднялись на борьбу с иноземными поработителями и нанесли им ряд серьезных поражений. Это вынудило Порту быть более сговорчивой в переговорах с русским резидентом» (стр. 58—59). 12 июня 1724 г. был заключен мир между Россией и Турцией, по которому узаконивалось присоединение Восточного Закавказья к Турции (обязавшейся отказаться от намерения завладеть всем Ираном), а Порты признала права России на западную полосу берегов Каспийского моря. Но всем было понятно, что этот мир не был прочным, т. к. Турция продолжала свою агрессию, а народы Закавказья вели упорную борьбу за свое освобождение.

В третьей главе дана обстоятельная история русско-грузинских отношений в 1725—1735 гг., т. е. в период захвата и владычества Турции («осмалоба») в Восточной Грузии, когда резко ухудшилось положение в Картли и Кахетии, разорились крестьянские хозяйства и феодалные владения грузинских князей, уменьшилось население вследствие угона в плен, истребления и изгнания.

Недовольны были как крестьяне, так и мелкие землевладельцы, торговцы и купцы. В стране поднималось глубокое возмущение, усиливалось чувство ненависти к врагам и политическая готовность бороться против иноземных захватчиков. Перед лицом общей опасности передовые пред-

ставители Грузии со всей страстью бичевали феодальный партикуляризм и проповедовали идеи единства и политического объединения Грузии.

Как народные массы, так и грузинские феодалы и православная церковь вели упорную борьбу с турками после ухода Вахтанга и Бакара и все время обращались к Петру и Екатерине I с требованием помощи русских войск и возвращения Бакара (стр. 67—69). Так, в 1727 г. Шанше Эристави писал Бакару: «Ежели бы Ваше высочество теперь были здесь или отсюда какую-нибудь надежду имели, то бы могли очистить Ваше государство» (стр. 68). Даже князь Константин, «типичный представитель реакционной части феодалов...» (стр. 71), пытался примириться с Вахтангом и «выступить совместно с антитурецкими силами Картли, Армении и Азербайджана и получить помощь России» (стр. 75). К России обращается царь Имеретин Александр (стр. 78). Массовое движение развивается в Абхазии и Менгрелии, причем, как сообщали Румянцев и Неплюев из Константинополя, Порты считала, что это движение происходит «по наущению от двора Вашего величества чрез жоржанского князя Вахтанга» (стр. 78—79). Общепризнанным предводителем в этот период стал Вахтанг VI, к нему и через него к России обращались тавады «с настоятельной просьбой вернуть в Грузию хотя бы сына Вахтанга Бакара... для организации всеобщей борьбы против турецких захватчиков» (стр. 64). Бакар не мог мириться с условиями созданными турками, и вынужден был «бежать в горы, где он вместе с отцом принялся за организацию партизанской борьбы...» (стр. 65). «У Вахтанга была большая связь с армянскими деятелями, которые информировали о положении дел у себя и зачастую обращались с просьбой о ходатайстве за армянские дела перед русским правительством (стр. 97). В 1725 г. князь Давид Назарашвили (он же Д. Назаров) по поручению грузинского царя Вахтанга VI был в Гиляне и, возвращаясь, в докладе в Коллегию иностранных дел писал: «Армяне еще крепко себя содержат и турецкое войско на них нападало и оных турков армяне побили многое число. А которые ганджинские (т. е. азербайджанские.— В. В.) обыватели, которые могли, многие вышли и соединились с

армяны, да куртинские обыватели (курды.— В. В.) соединилсѧ с армяны и посему собралось всех немалое число. В Грузии пленением, поборами разоряют также и монастыри. А которой обретался в Грузии Ражан-паша, он партию посылал на Кенис еристава и на крепости ево. И оных крепостей не могли оне, турки, взять, токмо которые под теми крепостями были низкие места и селы были, все разорили, и опустошили, и полонили. А имеретинцы между собой согласились и туркам не дали поставить крепость, которую желали оне, турки, в имеретинских местах, близ Черного моря строить» (стр. 79).

Хотя народы Закавказья продолжали упорную и тяжелую борьбу, русский двор явно не мог и не хотел «продолжать внешнюю политику с той целеустремленностью и твердостью», как Петр I (стр. 80). «Остановившись на полпути, преемники Петра I... кроме расходов, в Прикаспье ничего не видели. Широкие планы Петра I по экономическому освоению края были положены под сукно. Верховный тайный совет избегал «излишних» финансовых затрат... Уже в апреле 1725 г. Сенат своим указом Матюшкину ограничил круг военных действий в прикаспийских провинциях и поставил перед ним задачу: укрепиться «в границах близ моря». Но и это было не просто» (стр. 81—82). Таким образом, автор показывает, что после смерти Петра персидский (или, как он правильно называет, каспийский) поход прекращается и начинаются оборонительные бои, которые не могли оказать существенной помощи народам Закавказья. «Вице-канцлер А. И. Остерман, представляя правительству обзор внешнеполитического положения, отмечал, что дела в Прикаспье были в печальном состоянии: в Гиляни русские войска с трудом удерживались, а из Сальян и берегов Куры вынуждены были отступить к Баку. Остерман отмечал, что горские владельцы грозились зарубить находившихся в Дербенте русских и армян, а гарнизон крепости Святого Креста пребывал в большом утеснении» (стр. 82).

Множеством убедительных фактов автор показывает, что после Петра русское правительство отказалось от его курса и что это поняли Вахтанг и его соратники, как только получили известие о смерти Петра. Вахтангу и его свите в мае 1725 г.

было предложено переселиться в крепость Св. Креста для того, чтобы способствовать поселению грузин и армян в Прикаспье. Так как по русско-турецкому договору вся Грузия была признана подвластной Турции, Екатерина I не хотела даже вести открытые переговоры с посланн грузинского царя Константина, чтобы не раздражать Турцию.

Г. Пайчадзе справедливо отмечает, что для России важной задачей была ратификация шахом Тахмаспом русско-иранского договора, заключенного еще в 1723 г., от которого отказывался шах по наущению своих придворных. Чтобы склонить шаха к миру, в январе 1725 г. Вахтанг из Астрахани отправил к нему своего «комнатного» князя армянина Давида Назарашвили (или Назарова)¹. Однако иранское правительство не хотело ратифицировать договор и признать прав России на Закавказье.

Вся дальнейшая борьба Вахтанга VI за получение русской помощи и освобождение Грузии осталась безрезультатной. Остермановская политика уступок Персии и Турции взяла верх. Это понимали и в Иране и в Турции. Неплюев в апреле 1725 г. из Константинополя доносил: «...Весьма турки надеялись, как и другие им посторонние внушали (от чего боже ныне и впредь сохрани), в России быть по смерти Е. И. В. замешания. Того ради и колебались, не уверяясь о Вашего Величества самодержестве...» (стр. 84). Отчасти этим объясняется то, что «не считаясь с условиями русско-турецкого договора 1724 г., Турция решила овладеть всей территорией Ирана и начать поход на Исфаган» (стр. 86).

Вспоминая переговоры Ибрагима Ори с русским двором в 1701 г., автор обоснованно говорит о том, что у Петра I зародилась мысль о походе значительно раньше. Он приводит свидетельство А. П. Волынского: «...За несколько лет, прежде нежели

я туда (в Иран.— В. В.) был послан, уже имел, конечно, Его Императорское Величество оное свое намерение... кроме меня и прежде меня довольно, Его Императорское Величество о состоянии Персидского государства известен был от царя Арчила грузинского и армянских патриархов, которые, не хотя жить под игом Персидским, неоднократно Его Императорское Величество, яко избавителя христианских обоех, грузинского и армянского, народов просили о том из древних лет, и с тем от армянского и грузинского народов нарочные к Его Императорскому Величеству присланы тайно бывали, о чем и теперь в Коллегии иностранной сыскать можно» (стр. 40).

Пайчадзе отмечает, что, «ставя вопрос о посылке русского войска в Грузию, Вахтанг VI представил Екатерине I многочисленные письма с просьбой оказать помощь, которые он получал из Грузии и Армении, от арагвского и ксанского эриставов, Теймураза Мачабели, армянских деятелей— католикаса Есан, дербентского архимандрита Мартироса и др.».

Дальнейшее турецкое наступление заставило русское правительство укрепить свои силы в Прикаспье и «осуществить планируемое Петром I строительство крепости на Куре для коммуникации с Грузией и Арменией. В числе же мероприятий в области внешней политики намечалось заключение союза с Австрией, Ираном и Польшей..., направить в Прикаспье самого Вахтанга VI» (стр. 107).

Г. Пайчадзе на конкретном фактическом материале показывает внимание Вахтанга к армянам. Он предложил «избрать местом поездки Баку и Шемаху, поясняя, что армяне уже были оповещены о посылке его и Долгорукого, узнав же о их поездке не в сторону Армении, а в Гилян, они могли прийти в отчаяние, а турки, узнав о связях армян с Россией, постарались бы пуще разорять и армян, и грузин» (стр. 111).

Автор книги справедливо отмечает, что командующий русскими войсками Левашев зачастую проявлял излишнюю подозрительность, «с недоверием относился к деятельности Вахтанга VI и вообще грузин... Напомним, что еще Давид Назарашвили, находясь в Реште в 1725 г. для связи с Тахмаспом, жаловался, что все письма, адресованные ему из Ирана, он получал с большим опозданием, т. к. кор-

¹ О Назарашвили см. также публикацию В. К. Восканяна и В. А. Днелаяна («Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1964, № 2) «Политика России в Закавказье в 20-х годах XVIII в.». Через несколько месяцев к шаху с письмом Вахтанга отправился другой приближенный его Амилахвари.

респонденция вскрывалась командованием русских войск, и поэтому он не мог своевременно реагировать на события. Другой пример: Левашев, которому было поручено известить армян о приезде Вахтанга и Долгорукого в Прикаспье, имея ложную информацию о грузино-армянских взаимоотношениях, отнесся к вопросу тенденциозно и о приезде Вахтанга решил вовсе не сообщать (стр. 130), и это мол потому, что «некоторые народы между собою так в ненависти не пребывают, как армяне с грузинами». Опровергая это ложное представление о взаимоотношениях двух братских народов, в течение веков живших вместе и боровшихся против своих общих врагов, Пайчадзе отмечает: «Приведенные нами выше письма из Армении от патриарха Есан и юзбашей как на имя Вахтанга VI, так и самой Екатерины I полностью опровергают эти, с позволения сказать, «доводы» Левашева. Заметим, что в июне 1727 г. прибывшие в Россию юзбаша Багир и Кевха Челеби по заданию армянских патриархов и руководителей сгнаков жаловались в Коллегии иностранных дел, что, несмотря на обещания Екатерины I, Вахтанга VI и Долгорукого с войском так и не прислали в Прикаспье. Сам Вахтанг жаловался членам Верховного тайного совета, что, будучи в Дербенте, к нему одно время не допускали юзбашей, прибывших из Армении, а в Гиляни он был лишен возможности свободы действий» (стр. 131).

В рецензируемой книге обстоятельно представлены усилия грузинских политических деятелей добиться политического признания важности грузинского вопроса во внешней политике России и понимания выгоды оказания военной помощи борющимся народам Закавказья. На основании многочисленных документов ярко обрисована роль выдающегося государственного деятеля, талантливого дипломата и пламенного патриота Грузии Вахтанга VI, посвятившего всю свою жизнь освобождению Грузии и всего Закавказья из-под власти Персии и Турции.

В условиях усиления продвижения турецких полчищ в Закавказье, Верховный тайный совет 27 января решил для переговоров с шахом в Прикаспье отправить Вахтанга, чтобы «тамо будучи, поступать как в действиях, так и призывания шаха Тахмасиба и других персиян, також в сос-

динении с армяны и грузинцы и другими христианскими народами» (стр. 187).

Однако планы и предложения Вахтанга не всегда устраивали русское правительство, ибо оно не хотело вызвать недовольство Турции и осложнить и без того обостренные международные отношения. «Верховники» то считали нужным заключить договор с шахом, то Ашрафом (с которым тайно договор заключила и Порта), а после усиления Тахмас-кули хана Надир-а окончательно победила линия Остермана уступить Ирану Гилян и всячески стараться привлечь на свою сторону Надир-а, предотвратив его сближение и союз с Турцией. Эта линия была поддержана новой императрицей Анной Ивановной, которая со своими фаворитами была занята во всяком случае не заботами о Закавказье.

Проф. Пайчадзе отмечает, что все же «русское правительство усматривало стратегическое значение этого края и старалось максимально его использовать в своих военно-политических интересах:

1. Грузины, армяне и азербайджанцы, боровшиеся за свое освобождение, использовались... как реальные союзники в борьбе с турецкой агрессией.

2. Русское правительство действительно не желало утверждения Турции в Восточном Закавказье, однако, опасаясь военного столкновения с Османской империей, оно ограничивалось лишь средствами дипломатической борьбы.

3. Соглашаясь на уступку Восточного Закавказья, и в частности Восточной Грузии, правительство Анны Ивановны усматривало в этом средство привлечения на свою сторону правительства Ирана» (стр. 156).

Такой курс Остермана был причиной того, что вся активная деятельность Вахтанга VI оставалась для Грузии и Закавказья безрезультатной, как и безответными оказались многочисленные обращения к России за помощью грузинских князей и армянских политических деятелей. В 1733 г. Вахтангу, наконец, было предложено представить свои соображения о возможных путях продвижения русских войск на помощь народам Закавказья. На это он ответил, что надобно идти через Шемаху, т. к. «после взятия Шемахи и Ганджи Армения, Картли, Кахети и Имерети легко могли вступить под покрови-

тельство России» (стр. 62). Но Надир уже был недалек от Армении и, узнав о переписке с ними, мог их покарать (стр. 168). Для задобрения Надира в Петербурге начались переговоры с его послом, а русский посол С. Голицын поехал в Иран для непосредственных переговоров с Надиром.

Автор книги отмечает, что русская дипломатия проявила излишнюю осторожность и уступчивость (чего сам Надир никак не мог ожидать) вместо того, чтобы «настаивать на посылке Вахтанга VI или Бакара прямо в Грузию, минуя Иран, что создало бы новую перспективу, а именно: Россия этим сохранила бы за собой право на покровительство картлинскому царству и лично Вахтангу как общему союзнику» (стр. 172).

Пайчадзе справедливо заключает, что «Остерман бесславно завершил успешно начатую Петром I и с большим трудом осуществляемую кампанию в Закавказье. Как сообщали русские представители Константинополя И. Неплюев и А. Вешняков, турки были изумлены возвратом Россией всех завоеваний в Прикаспье. У бегира начались «тайные собрания». По совету французского дипломата Вильнева турецкое правительство открыто начало готовиться к войне с Россией. Усматривая слабость ее позиций на Кавказе, в Диване решили снарядить крымского хана в поход через Северный Кавказ в Прикаспье для занятия уступленных Россией территорий. России уже никак нельзя было медлить, и осенью 1735 г. она начала военные действия против Крымского ханства. Началась русско-турецкая война 1735—1739 гг. Как следовало ожидать, Надир не оказался надежным союзником России. Вопреки взятым обязательствам, в 1736 г. он заключил сепаратный мир с Турцией (стр. 180—181).

Всесторонне анализируя основные линии развития грузино-русских взаимоотношений, их ближневосточные и европейские аспекты, автор книги показывает тяжелое положение грузинского народа под гнетом Надира, пыгавшегося провести политику полного подчинения и ассимиляции («кызылбашоба»). «Правда, ассимиляторы не удалось сломить свободолюбивый дух... однако им удалось значительно расстроить хозяйственное развитие и подо-

рвать силы страны... Освободительная борьба грузинского народа продолжалась. В Западной Грузии она велась против турецкого ига, а в Восточной Грузии против иранского господства («кызылбашоба» — 1735—1747). В ходе этой борьбы государственные деятели Грузии неуклонно продолжали осуществлять внешнеполитический курс ориентации на Россию» (стр. 180).

Об этом говорят также попытки посольства имеретинского царя Александра I в Россию (1737—1740), которое убеждало правительство Анны Ивановны в необходимости оказать военно-морскую помощь Имеретии и открытия второго фронта против Турции. Это предложение не было принято, хотя активное содействие флота сухопутным силам считалось необходимым. Посольство не добилось своей цели, но прием и официальный ответ означали признание Александра V царем Имеретии.

В главе IV излагаются факты сношений Картли и Кахети с Россией в период борьбы грузинского народа против иранского владычества, установленного после очищения восточной Грузии, северной Армении и Азербайджана от турецких захватчиков. Подробно излагаются дипломатические связи и деятельность посольств, отправленных Теймуразом II в Петербург с целью официального признания законности его царской власти и получения помощи для укрепления своей независимости от Ирана (под покровительством России). Но первоначально «все старания грузинских дипломатов толкнуть правительство России на какие-либо шаги в пользу Грузии остались бесплодными» (стр. 199). «В результате стойкого сопротивления широких народных масс, тех многочисленных повсеместных восстаний, которые происходили в Грузии в 1735—1744 гг., Надир-шаху пришлось отступить и отказаться от своего желания превратить Грузию в иранскую провинцию» (стр. 205). Надир-шах «круто изменил свою политику в отношении Грузии. Поддерживая Теймураза II, шах освободил Кахети от кызылбашских налогов, а в Картли сделал ряд уступок тавадам и вывел часть иранских войск... В 1745 г. шах разрешил Теймуразу короноваться по грузинскому христианскому обычаю», отказаться «от старой

шахаббасовской политики насильственного насаждения магометанства в Грузии» (стр. 208).

В заключительной VI главе дана история русско-грузинских отношений в 50—60-х годах XVIII в., когда Картли и Кахети значительно укрепились и подчинили себе ереванского, ганджинского и нахичеванского ханов. Теймураз II и Ираклий II нанесли сокрушительный удар кызылбашским войскам Азад-хана (претендовавшего на власть над всем Ираном), а потом и дагестанского владетеля Аджи Челеби.

Обращение Теймураза к России в 50-х годах преследовало цель не только получить помощь в борьбе против внешних врагов, но и добиться признания за собой права законного царя Картли и Кахети.

Как отмечает Пайчадзе, поездка Теймураза в Россию хотя и кончилась неудачей и он там умер (1762 г.), тем не менее русское правительство «сочло нужным признать царский титул его сына Ираклия II» (стр. 268). «1762 год оказался многозначительным в истории России и Грузии... В истории России наступает новый этап дальнейшего роста могущества Российской империи, период активизации

ее политики на Востоке, успешных войн против Турции, а следовательно, и активизации политики России на Кавказе вообще и в Грузии в частности. А в Грузии в 1762 г. происходит важное событие—объединение Картлийского и Кахетинского царств под властью выдающегося государственного деятеля—Ираклия II, сумевшего обеспечить дальнейший прогресс своей страны... Все эти факторы и определили характер русско-грузинских отношений в их новом периоде» (стр. 269).

Таким образом, в рецензируемой книге прослеживается весь ход более чем полувековых сношений грузинского народа и его государственных организаций—царств и княжеств—с Россией, с их успехами, неудачами и зигзагами, когда неуклонно развивается освободительное движение народов Закавказья, укрепляется их русская ориентация, несмотря на то, что русское правительство не всегда считало грузинский вопрос одной из главных задач своей восточной политики.

Книга написана на огромном фактическом материале. Она является ценным исследованием.

В. ВОСКАНЯН